

О.В. Боронин

К характеристике процесса глобализации

На рубеже тысячелетий понятие «глобализация» стало неслучайно составляющей категориального аппарата научного знания. Сознательно внутреннюю противоречивость процесса глобализации, многие, прежде всего либеральные ученые и политики, тем не менее предпочитают рассуждать о его неотвратимости и благотворности для человечества [6, с. 84], а глобалистика превратилась в особую отрасль знания [14]. В российской науке интерес к глобалистике проявляют ученые не только традиционных научных центров страны, но и исследователи с «периферии», в том числе и в Алтайском госуниверситете [15, 16, 17]. Проблемы глобализации изучают представители целого ряда научных дисциплин – культурологии, экономических наук, социологии, политологии, географии, теории международных отношений. Причем каждая из означенных отраслей знания по-своему определяет понятие глобализации, опираясь лишь на отдельные факторы изучаемого процесса. Так, в рамках культурологии глобализацию понимают как тенденцию к созданию некоей единой мировой культуры, или как растущую взаимоотношенность различных культур, построенную либо на господстве одной из них, либо на так называемом их «концерте» [18]. Перед социологами глобализация обычно предстает как сжатие мира в одно целое с одновременным осознанием этого целого локальными частями [19]. Во франкоязычной географической литературе глобализацию понимают как транзакционный процесс, порождаемый всевозможными обменами между разными частями земного шара, или как всеобщий обмен в масштабах человечества [20]. Известные отечественные специалисты А.Г. Володин и Г.К. Широков определяют глобализацию как постепенное преобразование мирового пространства в единую зону, где беспрепятственно перемещаются капиталы, товары, услуги, где свободно распространяются идеи и передвигаются их носители, стимулируя развитие современных институтов и шлифуя механизмы их взаимодействия. По мнению этих исследователей, глобализация подразумевает образование международного правового и культурно-информационного поля, своего рода инфраструктуры межрегиональ-

ных, в т.ч. информационных обменов [6, с. 84]. В российской экономической науке «образы» глобализации строятся обычно на идеях постиндустриального и (или) информационного общества, где процесс глобализации венчает информационная экономика. По мнению Владислава Иноземцева, этот тип экономической организации предстает своего рода дематериализованной, или виртуальной экономикой, воплощающей отрыв финансовой сферы от реального производства как преодоление стоимостных отношений [1, с. 48–59]. Небезынтересна трактовка глобализации как глобальной гегемонии корпоративного капитала известными экономистами А.В. Бузгалиным и А.И. Колгановым. Согласно их выводам, процесс глобализации развивается в той мере, в какой подавляющее большинство национальных государств становится ареной борьбы и взаимодействия наднациональных сил – транснациональных корпораций, международных финансовых организаций, НАТО и т.п. Национальные государства в этих условиях утрачивают роль активных агентов мировой жизни, а новые акторы борются внутри каждого из государств. По мнению названных ученых, в процессе глобализации в мире образуется совокупность интернациональных технологических, экономических, геополитических, информационных сетей, которые опутали мир многослойной паутиной. Контроль над этой системой, а следовательно, и реальная власть в мире принадлежат этим своеобразным «паукам», т.е. корпоративному капиталу. Таким образом, А.В. Бузгалин и А.И. Колганов полагают, что глобализация предполагает существование следующих признаков единого мирового капитала: 1) он организован в рамках ТНК, контролирующих в определенных пределах рынки, мелкий бизнес и наемных работников; 2) он обладает почти неограниченной свободой выбора сфер своего приложения; 3) он использует преимущества своей транснациональной кооперации и мобильности для формирования всемирного господства и укрепления диспропорций, противоречий между регионами, странами, социальными и национальными группами [4, с. 97–98].

Как представляется, в каждом из приведенных определений процесса глобализации есть

в той или иной мере рациональное зерно, однако все они видятся нам односторонними. Наиболее общее определение глобализации из числа отечественных ученых дает М.А. Чешков: он пишет о том, что глобализация – это процесс сочленения различных компонентов человечества в ходе его эволюции в противоположность процессу дифференциации человечества [12, 13, 14]. Однако такое определение, на наш взгляд, является слишком размытым.

Мы присоединяемся к точке зрения известного российского специалиста А.Д. Богатурова, который выделяет восемь основных проявлений глобализации: 1) объективное усиление проницаемости межгосударственных перегородок; 2) резкое возрастание объемов и интенсивности трансгосударственных, транснациональных перетоков капиталов, информации, услуг и человеческих ресурсов; 3) массированное распространение западных стандартов потребления, быта, само- и мировосприятия на другие части планеты; 4) усиление роли вне-, над-, транс- и просто негосударственных институтов мировой экономики и международных отношений; 5) форсированный экспорт и вживление в политическую ткань разных стран мира вариаций модели либерального государственного устройства; 6) формирование виртуального пространства электронно-коммуникационного общения, резко увеличивающего возможности приобщения к общемировым информационным процессам; 7) возникновение и культивирование в сфере глобальных информационных сетей образа ответственности (причем манипулируемой ответственности. – *О.Б.*) всех и каждого индивида за чужие судьбы, проблемы, конфликты и т.п. в любых, возможно, даже неизвестных человеку уголках мира; 8) возникновение «идеологии глобализации» как совокупности взаимосвязанных постулатов, призванных обосновать одновременно благо и неизбежность тенденций глобализации под руководством цивилизованного сообщества. Под последним так или иначе подразумеваются США и «группа семи». Причем среди указанных проявлений глобализации А.Д. Богатуров справедливо, на наш взгляд, выделяет материальные (объективные) и виртуальные (манипуляционные). К первым он относит те проявления, которые касаются реального движения финансовых потоков и его обеспечения, трансферта технологий, товаров, услуг, массовых миграций (пусть часто и нелегальных), строительства глобальных информационных сетей и т.п.; ко вторым – содержа-

тельное наполнение этих сетей, распространение определенных ценностей и оценочных стандартов, формирование политико-психологических установок [2, с. 32–33]. Таким образом, процесс глобализации – это не только объективный процесс, но и во многом процесс виртуальный, субъективный, т.е. происходящий в недрах общественного и индивидуального сознания, причем на уровне субъект-объектного воздействия с применением манипулирования. «Виртуальный» процесс глобализации безусловно служит прежде всего интересам акторов материального процесса глобализации. Тем самым следует признать, что базовые составляющие глобализации носят прежде всего экономический характер, а сам процесс глобализации обусловлен наличием субъектов мировой экономики и политики (так называемого Центра. – *О.Б.*) – транснациональных корпораций, государств, межправительственных организаций и т.д. – с таким сочетанием интересов, способностей и возможностей, которые требуют от них и позволяют им действовать глобально в одной или нескольких сферах жизнедеятельности на постоянной основе как субъектам глобальных отношений [7, с. 132]. Некоторые специалисты в области глобалистики подвергают сомнению как минимум три постулата неолиберальной модели глобализации: 1) кризис и устаревание государства; 2) модернизация и вестернизация как естественный результат глобализации; 3) однополярность как предпочтительный способ самоорганизации международной структуры [2, с. 33]. Что касается первого постулата, то, например, опыт стран СНГ и Восточной Европы демонстрирует тенденцию не к «преодолению» государства, а к его всемерному укреплению. Да и в самих Соединенных Штатах Америки как основном «трансляторе» либеральной глобализации важнейший постулат последней – «одоление» государства надгосударственностью вызывает сегодня больше сомнений, чем понимания. Об этом свидетельствуют не только реальная политика новой американской администрации, но и содержание научных публикаций американских специалистов, вошедших в состав администрации Дж. Буша-младшего [11, с. 103–120].

Следуя второму, также сомнительному, на наш взгляд, постулату, нужно ожидать, что «отставшие» страны со временем «подтянутся», просветятся, избавятся от ненужной архаики традиций, осовременят себя «по образу и подобию» передового Запада. При таком взгляде трудно возражать против того,

что весь мир «естественно обречен» рано или поздно стать сплошным Западом. Однако в действительности сегодня, с появлением Нового Востока в связке ключевых геостратегических игроков, начинает приобретать новое звучание тема грядущей ориентализации планеты. Переоценка потенциала Востока совпала с периодом интенсивного роста его экономики, прежде всего в Китае, Юго-Восточной, Южной и Западной Азии, причем прорыв здесь был достигнут в рамках относительной вестернизации (далеко не всегда полной либерализации) экономики, но с опорой в основном на традиционные культурно-этические и политико-культурные ценности. В результате на рубеже XXI в. сформировалась достаточно новая и во многом еще не осознанная конфигурация глобальной экономики. По предварительным расчетам Мирового банка, к 2020 г. в десятку государств с максимальным объемом ВВП попадут страны, по сей день традиционно связанные с третьим миром: Китай, Индия, Индонезия, Южная Корея, Тайланд, Бразилия. Из стран сегодняшнего первого мира в десятке останутся лишь США, Япония, Германия и Франция [10, с. 34–35]. Таким образом, либеральный Запад может реально выпустить из рук нити глобализации. Именно поэтому, на наш взгляд, Запад во главе с США, чувствуя реальную угрозу своей глобализующей гегемонии, открыто перешел к насаждению стандартов «цивилизованного общества» при помощи военной силы. Как нам видится, для того, чтобы удержать глобальное лидерство Запада, созданная в 1995 г. Всемирная торговая организация (куда сегодня так стремится Россия), в которой доминируют США, ориентирует государства-члены и общественное мнение на либерализацию международной торговли. Стратегия ВТО заключается в том, чтобы нейтрализовать инструменты, которыми располагают суверенные государства (тарифы, пошлины, субсидии), и которые на сегодняшний день не позволяют экономически сильнейшему «взламывать» любой национальный рынок. При этом США настаивают на снятии соответствующих ограничений и в телекоммуникационно-финансовой сфере. Так, торговля по Интернету, число пользователей которого предположительно достигнет к 2005 г. 1 млрд человек, принесет огромные выгоды именно американским ТНК. Относительно одного из тезисов ВТО о том, что свободная торговля, увеличивая международный

товарообмен, создает новые рабочие места – это не более чем пропаганда. В 1993–1998 гг. объем мировой торговли возрос на 37%, а число созданных благодаря этому рабочих мест – всего на 0,05% [9, с. 98–99].

Безусловно, либеральная модель глобализации, транслируемая Центром-Западом (пока еще Центром), носит паразитический характер. Так, важные аспекты так называемой «финансовой глобализации» имеют форму финансовых спекулятивных «пузырей», рост числа которых совпал с началом 1990-х гг. Если в 1990–1998 гг. валовый продукт в мире возрос всего на несколько процентов, а мировой торговый оборот – на несколько десятков процентов, то стоимость сделок с производными ценными бумагами увеличилась почти в два раза [9, с. 94]. Благодаря новейшим средствам коммуникации на базе курсовой разницы при изменениях в соотношении стоимости различных национальных валют, наряду с беспрепятственным переливом огромных капиталов между странами и континентами процветает беспрецедентная спекуляция на финансовых рынках [5, с. 9]. В то же время, в условиях «транслируемой» глобализации из трех основных рынков (товаров, капиталов и рабочей силы) либерализованными оказались только первые два; на свободное перемещение рабочей силы Центр наложил жесткие ограничения. Следует лишь согласиться с выводом о том, что если это является осуществлением либеральной модели глобализации, то оно явно ассиметрично [8, с. 111].

Таким образом, реализуемая в современном мире глобализация пока происходит объективно прежде всего в интересах капитала первого мира и им же транслируется (направляется). Хотя перспективы ее достаточно непредсказуемы – существует вероятность, что глобализация может принять те или иные формы ориентализации. Безусловно и то (здесь следует согласиться с выводами А.В. Бузгалина), что в условиях современного процесса глобализации противоречия труда и капитала – с одной стороны; субъектов гегемонизма капитала и бюрократии и субъектов социального творчества – с другой; граждан отстающих и развитых стран – с третьей, значительно обострились и усложнились [3, с. 60–61]. Все это, несомненно, на наш взгляд, свидетельствует о далеко не всегда оптимистичных выводах относительно будущего глобализирующегося мира.

Литература

1. Антипина О., Иноземцев В. Диалектика стоимости в постиндустриальном обществе // *Мировая экономика и международные отношения*. 1998. №6.
2. Богатуров А.Д. Синдром поглощения в международной политике // *Pro et Contra*. Т. 4. №4: Проблемы глобализации. М., 1999.
3. Бузгалин А.В. Генезис информационного общества: вызов теории социализма // *Критический марксизм: русские дискуссии*. М., 1999.
4. Бузгалин А.В., Колганов А.И. Капитал и труд в глобальном сообществе XXI века: «по ту сторону» миражей информационного общества (три тезиса к дискуссии) // *Постиндустриальный мир: Центр, Периферия, Россия. Сборник 1: Общие проблемы постиндустриальной эпохи*. М., 1999.
5. Быков А.Н. Мировой финансовый кризис и уроки для России: вопросы антикризисного регулирования. М., 1999.
6. Володин А.Г., Широков Г.К. Глобализация: истоки, тенденции, перспективы // *Полис*. 1999. №5.
7. Косолапов Н.А. Россия, США и мировое развитие // *Pro et Contra*. Т. 5. № 2: Россия – США – мир. М., 2000.
8. Кузнецов В.И. «Золотой миллиард» и остальное человечество // *Pro et Contra*. Т. 4. №4: Проблемы глобализации. М., 1999.
9. Максименко В.И. Происходит ли «глобализация»? // *Pro et Contra*. Т. 4. №4: Проблемы глобализации. М., 1999.
10. Неклесса А.И. Эпилог истории, или модернизация versus ориентализация // *Постиндустриальный мир: Центр, Периферия, Россия. Сборник 2: Глобализация и Периферия*. М., 1999.
11. Райс Кондолиза. Во имя национальных интересов // *Pro et Contra*. Т. 5. №2: Россия – США – мир. М., 2000.
12. Чешков М.А. Глобализация: сущность, нынешняя фаза, перспективы // *Pro et Contra*. Т. 4. №4: Проблемы глобализации. М., 1999.
13. Чешков М.А. Глобальный вызов, брошенный России // *Постиндустриальный мир: Центр, Периферия, Россия. Сборник 1: Общие проблемы постиндустриальной эпохи*. М., 1999.
14. Чешков М.А. Глобальный контекст постсоветской России. Очерки теории и методологии мироцелостности. М., 1999.
15. Бетмакаев А.М., Юдина И.Н. Национальное правительство в эпоху глобальной экономики // *Исследования по всеобщей истории и международным отношениям*. Барнаул, 1997.
16. Юдина И.Н. Геоэкономика как исторический феномен конца XX в. // *Известия АГУ*. Барнаул, 1998. №3 (8).
17. Юдина И.Н. Мировая экономика в эпоху глобализации: 1990-е гг. и перспективы. Барнаул, 1998.
18. Kavolis V. History of Consciousness and Civilizational Analysis // *Comparative Civilizational Review*. 1987. №17.
19. Martin W.C., Reitel M. Toward a Global Sociology?: Evaluating Current Conceptions, Methods, and Practices // *The Sociological Quart.* 1999. Vol. 39. №1. P. 131–143.
20. Dolfus O. La mondialisation. P., 1997.